B119
464

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ПЛАН ШЛИФФЕНА
И
КРАХ ГЕРМАНСКОЙ СТРАТЕГИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Стенограмма публичной лекции
полковника И. С. КОРОТКОВА,
прочитанной 9 января 1944 года.

МОСКВА ★ 1944

В119 464

ЛЕКЦИОННОЕ БЮРО
ПРИ КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ПРИ СНК СССР

НА ПРАВАХ РУКОПИСИ

ПЛАН ШЛИФФЕНА
И
КРАХ ГЕРМАНСКОЙ СТРАТЕГИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

Стенограмма публичной лекции
полковника И. С. КОРОТКОВА,
прочитанной 9 января 1944 года.

МОСКВА ★ 1944

ПЛАН ЛЕКЦИИ

	Стр.
Основные черты германской стратегии и её исторические корни . .	3
Стратегическая идея и оперативная доктрина фельдмаршала Шлиффена. Стратегическое развёртывание германской армии по плану Шлиффена	6
План Шлиффена в действии	14
Провал германских стратегических планов в 1915 году	19
Крах германской стратегии во второй половине мировой войны 1914—1918 годов	22
Неусвоенные уроки поражения	23

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
802522

А 5219. Зак. 1247.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Основные черты германской стратегии и ее исторические корни

Товарищ Сталин в приказе от 23 февраля 1943 года дал классическую характеристику стратегии немцев:

«Их стратегия дефективна, так как она, как правило, недооценивает сил и возможностей противника и переоценивает свои собственные силы».

Исторический опыт прошлого и в особенности ход Великой отечественной войны Советского Союза полностью доказали справедливость этой характеристики.

Дефективность германской стратегии коренится в несоответствии экономической и военной базы страны политическим целям войн, ведущихся немецкими империалистами, а также в стремлении победоносно закончить войну в самый короткий срок («молниеносная война») без учёта сил и возможностей противника.

На протяжении двух веков германская стратегия исходила из указания Фридриха II о том, что «наши войны должны быть короткими и живыми». Такая формула, отражая экономическую и политическую слабость германского государства, неспособного вести длительные войны, ярко выражает порочность немецкой стратегии, стремящейся выйти из противоречия между целями войны и возможностями государства при помощи осуществления одного оперативно-стратегического удара, способного сокрушить противника.

Через всю историю развития Германии проходит стремление к достижению господства над другими народами, а в последний, империалистический этап её истории — стремление к завоеванию мирового господства. Эта тенденция выражалась в попытках немцев захватить чужие земли, преимущественно на востоке Европы, поработить славянские народы, превратить их в своих рабов или физически уничтожить. Стремлением к господству было проникнуто всё идеологическое воспитание германского народа. На протяжении веков, из поколения в поколение, господствующие классы Германии прививали немцам идею расовой исключительности и «божественной» предопределённости руководящей роли германского народа, якобы призванного господствовать над другими народами, и одновременно всячески разжигали его низменные инстинкты. Доведён-

ные до предела, эти последние нашли наиболее яркое воплощение в современном германском фашизме.

Средством достижения господства могло явиться только насилие. Поэтому, стремясь к господству, немцы отводили насилию решающую роль. Жестокие уроки, полученные ими на Чудском озере, под Грюнвальдом, в эпоху наполеоновских войн, не отрезвили немецких проповедников насилия: они продолжали упорно воспитывать свой народ и в первую очередь армию в духе идей господства немцев над другими народами.

Палочная муштра и слепая дисциплина в армии были возведены в культ. Фридрих Энгельс в статье «Армии Европы» дал немецкой системе обучения армии меткую характеристику:

«Прусские младшие офицеры и фельдфебели, будучи не в состоянии выполнить возложенную на них задачу, относятся к своим подчинённым с грубостью и жестокостью, которые вдвойне отвратительны из-за их педантичности»[1].

Стремление к достижению господства наталкивалось на невыгодное для Германии соотношение сил. Отсюда возникало характерное для немцев направление в воспитании армии и в подготовке войны, которое было возведено ими в один из основных стратегических принципов: вероломное и неожиданное вторжение в неприятельскую страну с целью опередить мобилизацию сил противников, разгромить их порознь. Этот принцип давно уже стал «символом веры» немецкой военщины.

Войскам прививалась идея «непобедимости» германской армии, призванной стать орудием достижения господства немцев над другими народами. Эта идея была неразрывно связана с недооценкой сил противников Германии. Энгельс в упомянутой выше статье писал: «...армейские педанты хотят такой армии, которая бы своей муштровкой, общим видом и солидностью не имела равных среди остальных европейских армий»[2].

Преклонение перед формой и слепое подражание «классическим» правилам действий, без учёта конкретной обстановки, были возведены в германской армии в принцип. Особенно это относилось к офицерам и генералам прусской школы. «Нигде нет так много старых, упрямых, придирчивых педантов среди офицеров и генералов, как в Пруссии»[3],— писал Энгельс.

Обман, шантаж и беспринципность в выборе и применении способов борьбы издавна являлись испытанными средствами в достижении целей немецкой политики и стратегии. В ходе войны считалось допустимым применение любых способов истребления живой силы противника.

Так, в мировую войну 1914—1918 годов немцы первые при-

---

[1] Ф. Энгельс «Избранные военные произведения». Т. I, стр. 436. Гвиз. 1937.

[2] Там же, стр. 435.

[3] Там же, стр. 438.

менили отравляющие вещества, разрывные пули, пытались вести неограниченную подводную войну. Вопреки международным законам они истребляли мирное население и пленных. Грабёж и насилие признавались не только «законными», но и использовались как стимул личной заинтересованности немецких солдат и офицеров в войне.

Особенно пышно расцвели эти тенденции германской стратегии в эпоху создания второй империи, после воссоединения Германии.

Будучи до того экономически отсталой страной, Германия после 1870 года, в конце XIX века и в XX веке развивалась значительно быстрее других европейских капиталистических стран. По добыче угля и производству чёрного металла она далеко обогнала Англию.

Бурное развитие финансового капитала требовало расширения «сфер влияния» и обеспечения размещения его во всё возрастающих размерах вне Германии. Но к концу XIX столетия мир был фактически уже поделён между капиталистическими государствами. Поэтому «Немецкие империалисты,— писал В. И. Ленин,— с завистью смотрят на «старые» колониальные страны, обеспечившие себя в этом отношении особенно «успешно...»[1].

Развитие германской империи после 1870 года и усилившееся влияние финансового капитала на экономику и политику страны толкали руководящие круги Германии на путь захвата колоний, на борьбу за передел мира. Идея мирового господства, вынашивавшаяся в правящих кругах немецкого империализма, начинает облекаться в этот период в организационные формы. Борьбе за господствующее мировое положение Германия подчиняет все свои материальные, военные и культурные силы. По выражению В. И. Ленина, всё производство Германии ставится на службу «юнкерски-буржуазному империализму»[2], а в отношении подготовки вооружённых сил все усилия прилагаются к тому, чтобы превратить страну «в военный лагерь»[3].

Эта политика и определяла направление военной стратегии германского генерального штаба, которая имела резко выраженный наступательный характер, подготовляя страну к войне одновременно на море и на суше. Подготовка к войне на море нашла своё выражение в плане строительства морских вооружений в таких размерах, которые позволили бы в короткий срок догнать Англию, а затем и обеспечить превосходство над ней.

Подготовка к войне на суше выразилась в разработке стратегического плана разгрома одним ударом французской армии с последующим поворотом основных сухопутных сил Германии

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XIX, стр. 123.
[2] В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 516.
[3] Там же, стр. 101.

против России. Одним из главных инициаторов программы морских вооружений явился адмирал фон Тирпиц; создателем стратегического плана войны был фельдмаршал Шлиффен.

Стратегическая идея и оперативная доктрина фельдмаршала Шлиффена. Стратегическое развёртывание германской армии по плану Шлиффена

Генерал-фельдмаршал граф Альфред фон Шлиффен родился в Берлине в 1833 году в семье прусского помещика (юнкера), майора королевской гвардии. Военную службу он начал с 1852 года и участвовал в войнах 1866 и 1870—1871 годов в качестве офицера генерального штаба. После войны 1870—1871 годов Шлиффен служил в германском Большом[1] генеральном штабе в должности начальника французского отдела и помощника начальника генерального штаба.

В течение 7 лет — с 1879 по 1886 год — Шлиффен командовал 1-м гвардейским уланским полком в Потсдаме, где получил строевой стаж. Вся остальная служба Шлиффена проходит в Большом генеральном штабе, начальником которого он был с 1891 по 1905 год включительно. Умер Шлиффен в 1913 году.

Перу Шлиффена принадлежит ряд теоретических и военно-исторических работ: «Будущая война», «Полководец», «Канны» и др. Наиболее известна последняя книга, переведённая на русский язык.

Внешне «Канны» Шлиффена — ряд очерков некоторых операций и войн со времени Ганнибала[2] до франко-прусской войны 1870—1871 годов. В действительности же описываемые в этом труде события служат лишь иллюстрациями военно-теоретических взглядов автора, нашедших своё выражение в разработанных им планах войны. По теоретическим трудам Шлиффена и составленным им планам стратегического развёртывания можно проследить развитие германской военной доктрины в период подготовки первой мировой войны.

Основой военно-теоретических взглядов Шлиффена является следующее положение: необходимо стремиться к полному разгрому врага одним сокрушающим ударом, сосредоточивая

---

[1] После второго Парижского мира (1814 год) произошло расчленение германского генерального штаба на Большой с оставлением его в Берлине и генеральные штабы армий (Armee Generalstab) с выделением в последние большого количества офицеров генерального штаба, находившихся при нём до расчленения.

[2] В 216 году до нашей эры в Южной Италии, у селения Канны, на реке Ауфидус (ныне называется Офанто) великий карфагенский полководец Ганнибал, имея 50 тысяч пехоты и конницы, разгромил 80-тысячную армию римлян. Историческое значение этой победы заключалось в том, что Ганнибал, сковав римлян в центре, нанёс им сильные удары на флангах и сумел достичь полного окружения и уничтожения противника.

для этой цели все силы и средства на одном из флангов стратегического фронта и добиваясь там подавляющего превосходства над противником. Вся суть военной доктрины Шлиффена сводится к формуле «прочно удерживая, охватывать».

Признавая «Канны» Ганнибала идеалом всякого сражения, Шлиффен вместе с тем понимал, что в предстоящей войне при наличии двух фронтов — западного (французского) и восточного (русского) — у Германии не хватит сил для одновременной борьбы с обоими противниками, более того: не хватит сил и для глубокого охвата обоих флангов стратегического фронта одного из противников. Отсюда и появилась идея удара одним флангом по одному противнику, после победы над которым быстрый маневр по внутренним операционным линиям позволит сосредоточить все силы для разгрома второго врага.

Сущность стратегического маневра по внутренним операционным направлениям с целью разгрома обоих противников порознь Шлиффен выразил словами: «Выведя из строя одного из противников, перебросить по железной дороге достаточно сил, чтобы добиться такого численного превосходства, которое дало бы возможность нанести роковой удар и второму противнику». Эта мысль красной нитью проходит почти через все работы Шлиффена, доходя до догматизма и превращаясь в шаблон, свойственный германскому военному мышлению.

Таким образом, основой стратегических идей Шлиффена было стремление решить проблему войны на два фронта, используя для этой цели поочерёдный разгром противников.

Такое решение проблемы войны являлось тем более необходимым, что дипломатия вильгельмовской Германии оказалась несовершенной, грубой и, торопясь получить для Германии «место под солнцем», действовала слишком прямолинейно. Если в своё время Бисмарку удалась такая грубая фальшивка, как «Эмсская депеша» [1], то последующие действия немецких правящих кругов и дипломатии ставили задачей осуществить ещё более далеко идущие политические цели. Но все эти действия, как например создание «Пангерманского союза» в 80-х годах прошлого столетия, афиширование лозунга германского империализма «Движение на Восток», постройка Багдадской железной дороги; такие декларации, как заявление канцлера Бюлова в 1879 году о том, что «мы требуем себе места под солнцем», или заявление Вильгельма II в 1898 году о «дружбе» немцев со всеми 300 миллионами мусульман, рассеянных по земному шару, как и ряд других заявлений и действий германской дипломатии, обнаруживая со всё большей очевидностью

[1] Шифрованная телеграмма прусского короля Вильгельма I от 13 июля 1870 года, посланная из города Эмса Бисмарку и опубликованная последним с грубыми, оскорбительными для Франции искажениями. Она ускорила разрыв дипломатических отношений между Францией и Пруссией и развязку войны 1870—1871 годов.

существо германской внешней политики, в то же время вскрывали бесплодность её попыток решить поставленные перед ней задачи дипломатическим путём.

С первых же дней своего руководства германским генеральным штабом Шлиффен пришёл к мысли, что в случае войны Германии на два фронта сначала должна быть разгромлена Франция.

Исходя из предположения, что для развёртывания и сосредоточения русской армии потребуется не менее 50 дней, Шлиффен задался целью разбить за это время французскую армию, оставив против России только заслоны, а затем, после победы на Западе, обрушиться всеми силами на Россию.

В соответствии с этой общей идеей Шлиффен в период с 1893 по 1906 год разрабатывает последовательно пять планов стратегического развёртывания германской армии. Суть этих планов сводилась к следующему. Планом 1893 года намечалось сосредоточить против Франции 53 дивизии, для обороны против России — 18 дивизий. По плану, разработанному в 1899—1900 годах, против Франции предполагалось выставить уже 73 дивизии (включая в это число 12 итальянских дивизий), а против России — заслон в 12 дивизий. Примерно такой же характер носили и последующие варианты плана, разработанные в период 1900—1905 годов. Эти варианты отличались друг от друга лишь тем, что основная масса войск, намечавшаяся к действиям на французском театре войны, всё более поднималась к северу, пока не приняла форму сосредоточения почти 90% всех сил на фронте севернее крепости Мец. Такое сосредоточение нашло своё полное завершение в плане, составленном в декабре 1905 года, за несколько дней до ухода Шлиффена с поста начальника генерального штаба.

Последний план Шлиффена предусматривал развёртывание на правом крыле западного фронта, между крепостью Мец и голландской границей, 23 армейских, 12½ резервных корпусов и 8 кавалерийских дивизий. На всём остальном фронте, южнее Меца, который должен был стать осью маневра ударного крыла германских армий, было намечено оставить лишь 3½ армейских, 1½ резервных и 3 эрзацкорпуса с 3 кавалерийскими дивизиями и 5 ландверными бригадами. Распределение сил между ударным, правым крылом и остальным фронтом при таком развёртывании войск выражалось отношением 7 : 1.

Вся масса войск германской армии, намеченная к сосредоточению севернее Меца, в свою очередь подразделялась на три группы: северную, среднюю и южную. Из них наибольшей планировалась северная группа, которой в намеченном оперативно-стратегическом маневре отводилась решающая роль. Взаимодействуя со средней и южной группами, северная группа подобно гигантскому тарану должна была сломить сопротивление левого крыла французской и бельгийской армий и на

30—31-й день мобилизации выйти на фронт Абвиль—Амьен—Ла-Фер, после чего начать охватывать Париж с запада.

Далее Шлиффен намечал оставить необходимые силы для осады Парижа, а остальной массой войск правого крыла взять в клещи французские армии, в основном сосредоточенные в районе Верден, Бельфор. Небольшая часть сил германской армии, оставлявшаяся Шлиффеном на левом крыле, должна была сковывать французскую армию и при необходимости отходить, оставляя территории Эльзаса и Лотарингии. Как будет действовать в условиях такого маневра немецких сил французская армия, Шлиффена не интересовало, так как с её возможностями он не считался.

Нарушение нейтралитета Бельгии было предопределено ещё до Шлиффена. Идея удара через Бельгию зародилась при Мольтке[1]. Она вытекала из существа германской стратегии и диктовалась, по мнению немцев, географическими условиями западноевропейского театра войны.

Нанося удар через Бельгию, германские армии получали кратчайшее направление к Парижу. Подобный маневр как бы позволял немцам разрешить одновременно две задачи: во-первых, овладеть столицей Франции и в основном предопределить исход войны, во-вторых, упредить отход к Парижу основных сил французской армии, сосредоточенных в верхнем течении Рейна, в юговосточном углу Франции. Кроме того немцы при таком маневре имели возможность миновать лесистый район бельгийских Арденн и избавить себя от лобовых атак крепостных укреплений, возведённых французами на участке от Вердена до швейцарской границы.

Блестящую оценку особенностей бельгийского военного театра мы находим у Энгельса.

«Бельгия,— писал он,— должна была служить полем битвы во всех войнах, которые велись на севере между Францией и Германией. Через Бельгию возможен обход всей восточной Франции от Вердена и верхней Марны вплоть до Рейна, т. е. армия, вторгшаяся из Бельгии, может раньше оказаться под Парижем, чем французская армия, оперирующая на Рейне, успеет отойти обратно к Парижу»[2].

У Шлиффена удар через Бельгию принимал наиболее законченную форму ввиде сосредоточения на бельгийской границе основного ядра германской армии и её стремительного марш-

---

[1] Мольтке-Старший — фельдмаршал, начальник германского генерального штаба в 1857—1888 годах. Совместно с Бисмарком организовал войны австро-прусскую 1866 года и франко-прусскую 1870—1871 годов и руководил ими. Считался одним из создателей германского генерального штаба и военной системы. Его племянник Мольтке-Младший был начальником германского генерального штаба в 1906—1914 годах.

[2] Ф. Энгельс «Избранные военные произведения». Т. I, стр. 78. Гвиз. 1937.

маневра к Парижу. В августе 1914 года так и получилось. «Клочок бумаги» — обязательство немцев о соблюдении бельгийского нейтралитета—был разорван, и Бельгия стала первой жертвой германской агрессии и ареной ожесточённой борьбы. Воздерживаясь от нарушения границ Голландии, Шлиффен имел в виду прикрыть тем самым свой фланг с моря от Англии.

С возможностью вступления Англии в войну на стороне Франции и Бельгии Шлиффен считался, но исходил при этом из выгодного для себя предположения о том, что английская армия запоздает с высадкой войск и закончит её лишь тогда, когда с Францией и Бельгией будет в основном покончено и Германия станет в военном отношении гегемоном Европы. Что касается превосходства Англии на море, то в условиях господства германской армии в Европе оно, по мнению Шлиффена, не должно будет играть никакой роли. Шлиффен явно недооценивал роль Англии как одного из главных членов противогерманской коалиции. Между прочим, недооценка роли Англии и явилась одной из главных причин ухода Шлиффена в отставку.

Такова была общая схема развёртывания и действий германской армии по плану Шлиффена. В докладной записке, составленной к этому плану в декабре 1905 года, он писал: «Необходимо наступлением на левый фланг французов отбросить их в восточном направлении, к крепостям Мозеля, к Юрским горам, к Швейцарии. Французская армия должна быть уничтожена. Наиболее существенным для хода всей операции является образование сильного правого фланга, при помощи которого выигрывать сражения и беспрерывным преследованием принуждать противника непрерывно отступать... Необходимо, чтобы немцы были на правом фланге по возможности сильнее, так как здесь ожидается решающее сражение».

По расчётам Шлиффена, война должна была длиться не более 3—3½ месяцев и окончиться «до осеннего листопада».

Из сказанного нетрудно видеть, что Шлиффен искал решение войны в одном — уничтожающем, генеральном сражении.

На вопрос, что делать, если это генеральное сражение не приведёт к ожидаемым результатам, Шлиффен не даёт никакого ответа. Его преемник на посту начальника германского генерального штаба Мольтке-Младший более реально смотрел на этот вопрос. Усиливая левое крыло западного фронта и предназначая в Восточную Пруссию против России большее количество войск, Мольтке в своих стратегических планах в известной степени исходил из перспективы затяжной войны.

Возводя в непогрешимый принцип быстрое достижение решающей победы на фронте, Шлиффен не учитывал, что современные войны ведутся не армиями, состоящими из нескольких сотен тысяч человек, а миллионными армиями, всем народом, ведутся на фронтах огромного протяжения и при сосредоточе-

нии колоссальных технических средств, причём войны эти не сводятся к единоборству отдельных стран, а принимают форму борьбы коалиций.

Ещё в прошлом столетии Фридрих Энгельс в письме к Зорге 7 января 1888 года писал по этому поводу:

«Война, напротив, отбросила бы нас на годы назад. Шовинизм затопил бы всё, так как это была бы борьба за существование. Германия выставила бы около 5 миллионов солдат, или 10% населения, другие — около 4—5%. Россия относительно меньше. Но всего на полях сражения было бы 10—15 миллионов людей. И дело не кончилось бы быстро, несмотря на громадные военные силы. Ибо на северо-западной и юго-восточной границах Франция защищена очень широкой линией крепостей, а новые укрепления Парижа образцовы. Стало быть, это затянулось бы надолго, да и Россию тоже нельзя взять штурмом».

В 1914 году именно так и получилось.

В борьбе коалиций Германия неизбежно оставалась в меньшинстве, что было следствием её агрессивно-империалистической политики. В стремлении к неограниченному захвату колоний и к мировому господству Германия вступила в противоречие не только с крупнейшими европейскими странами, но и с Соединёнными Штатами Америки, ставшими на путь быстрого капиталистического развития в тот же период, что и Германия.

В этих условиях длительная борьба с более сильным противником была невозможна. Победа должна была быть достигнута в короткие сроки. И эту задачу Шлиффен и пытался разрешить и не только потому, что такое решение её диктовалось империалистической политикой Германии, но и по своему личному убеждению в осуществимости быстрой победы.

Воспитанный в духе тевтонско-прусских традиций, Шлиффен был далёк от правильного понимания и учёта совокупности политических, экономических и военно-стратегических условий победы. Неслучайно в своей книге «Канны» он подверг тщательному анализу сражения, проводившиеся при Фридрихе II и Мольтке-Старшем, перебросив к ним теоретический мостик от «Канн» Ганнибала. Этим преследовалась определённая цель — доказать возможность осуществления «Канн», хотя и в несколько ином стиле (удар одним флангом), в новую, современную Шлиффену эпоху. Эта мысль красной нитью проходит как через книгу Шлиффена, так и через все варианты разработанного им плана стратегического развёртывания германской армии. Подверженный своей идее разгрома противника одним охватывающим ударом, Шлиффен, умирая, с настойчивостью маньяка говорил: «Сделайте мне только сильным правое крыло».

Таким образом, план Шлиффена наиболее ярко отобразил в

себе империалистические интересы господствующих классов Германии, авантюризм которых в политике неизбежно приводил к авантюризму и в стратегии.

Германский генерал Гренер — один из сторонников Шлиффена и защитник его плана — в книге «Завещание Шлиффена» писал, что взгляды Шлиффена целиком отвечают требованиям учения Клаузевица. Достаточно элементарно знать Клаузевица, чтобы видеть вздорность подобного утверждения. Наоборот, Шлиффен всей своей стратегической концепцией коренным образом расходился с Клаузевицем. Никогда Клаузевиц не утверждал, что войну можно выиграть одним, уничтожающим сражением. В своей книге о войне, в главе «Генеральное сражение», он писал: «Лишь в новейшее время бывали нередко случаи, когда большое сражение решало судьбу целой кампании; те же случаи, когда решалась одим сражением целая война, принадлежат к самым редким исключениям». Утверждение Гренера, между прочим, не было основано на недоразумении или незнании теории Клаузевица, а преследовало определённую цель: доказать, что если бы в 1914 году всё было выполнено так, как намечал Шлиффен, то Германия одержала бы победу и выиграла бы войну.

Один из видных учеников Шлиффена, генерал Куль, говорит по этому поводу совершенно определённо: «Мы проиграли Марнское сражение не потому, что пользовались шлиффеновской системой, а потому, что не следовали ей... Мы могли выиграть сражение (Марнское), несмотря на нашу меньшую численность».

Следовательно, стремясь осуществить достижение политической цели, поставленной господствующими классами Германии, Шлиффен отвёл в своём стратегическом плане решающую роль оперативному фактору, не понимая взаимозависимости политики и стратегии и пренебрегая тем, что последняя является производной политики и в равной степени делит с ней удачу и поражение. «Если политика верна,— писал Клаузевиц,— т. е. если она ведёт к своей цели, то соответственно её воздействие может быть лишь благотворным для войны; там же, где её воздействие удаляет нас от цели, корень зла надо искать в ошибках политики».

Центральное географическое положение Германии в Европе давало ей ряд оперативных преимуществ, позволяя действовать по внутренним операционным линиям. Но это же положение таило в себе и основную стратегическую невыгоду, так как ставило империалистическую Германию в условия борьбы на два фронта. Избежать этого можно было лишь двояким путём: либо отказаться от борьбы за мировое господство, либо предотвратить создание противогерманской коалиции дипломатическим путём. Первый путь предполагал коренное изменение всего существа германского империализма

и примирение его со второстепенным положением в Европе. На это Германия не желала пойти. Наоборот: её господствующие классы стремились всячески форсировать достижение поставленной цели — обеспечение мирового господства. По второму пути пытался идти ряд руководителей германской внешней политики, начиная с Бисмарка и кончая Бетман-Гольвегом, но все они потерпели полную неудачу. В результате этого и родилась авантюристическая попытка устранить стратегическую невыгоду положения Германии быстротой оперативного маневра.

Именно такой попыткой и являлся план Шлиффена. Составленный в строго геометрических линиях, он исходил не из учёта постоянно действующих факторов войны, а из привходящих моментов и упускал ряд особенностей, свойственных эпохе. К числу последних относились:

возросшая численность современных армий и предельное насыщение их усовершенствованной военной техникой;

колоссально увеличившееся пространственное развёртывание армий, составляющих не один, а два и более стратегических фронта, не поддающихся уничтожению одним охватывающим оперативным маневром;

значительно увеличившаяся мощь обороны и возросшие возможности её быстрой организации;

возросшая маневроспособность современных армий вследствие развития железных дорог, а впоследствии автотранспорта, позволяющая быстро перебрасывать оперативные и стратегические резервы на угрожаемые направления с целью организации контрманевра.

Немалое значение имело и развитие разведывательной авиации, позволявшей своевременно обнаружить оперативный маневр противника и потому лишавший его одного из основных качеств — внезапности. Правда, в 1914 году немцам удалось осуществить оперативную внезапность, но она не могла дать решающих результатов вследствие указанных выше причин.

Проявлявший слишком большую самостоятельность и стремившийся искать решения победы только на суше, Шлиффен оказался неподходящим начальником штаба для Вильгельма II. Он был уволен в отставку. На его место был назначен генерал-полковник Мольтке-Младший — племянник фельдмаршала Мольтке, руководителя войн 1866 года и 1870—1871 годов.

Озарённый лучами славы своего дяди, Мольтке казался наиболее подходящей фигурой для военного выполнения политических целей германского империализма. Будучи учеником Шлиффена и последователем его теории в стратегии, Мольтке тем не менее внёс в план Шлиффена ряд поправок. Но план Шлиффена был оставлен и проводился в жизнь в 1914 году. Поправки, внесённые в него генералом Мольтке,

касались главным образом мощности правого крыла. Мольтке были усилены армии левого крыла западного фронта, а также несколько увеличено число войск в Восточной Пруссии.

Усиливая левое крыло западного фронта, Мольтке выполнял приказ магнатов эльзас-лотарингской промышленности, требовавших обеспечения её безопасности в связи с возможным наступлением французов. Увеличение германских войск в Восточной Пруссии вызывалось аналогичной причиной — стремлением прикрыть земли прусских юнкеров от русской армии. Но это было не единственной причиной: Мольтке видел, что русская армия оправилась от поражения в войне 1904—1905 годов и представляла собой внушительную силу, с которой нельзя было не считаться.

Мольтке не мог также не видеть, что попытки внести раскол в лагерь союзников дипломатическим путём не привели к желаемым результатам.

Готовясь к борьбе за мировое господство, германский империализм развил колоссальную деятельность по дальнейшему развёртыванию сухопутных вооружённых сил и строительству военно-морского флота. Был принят план морских вооружений по программе адмирала Тирпица, ставившего целью Германии не только сравняться по морской мощи с Англией, но и обогнать её. Однако действительность готовила немцам горькое разочарование.

В августе 1914 года вильгельмовская армия с девизом «Германия превыше всего» сокрушительным потоком рванулась на равнины Бельгии навстречу своей гибели.

План Шлиффена в действии

1 августа 1914 года Германия объявила войну России, на следующий день — Франции. Вслед за этим в войну вступила Англия. Далее круг противников Германии непрерывно расширялся и к 1917 году охватил уже 29 государств, в то время как германская коалиция состояла всего лишь из 4 стран.

Ночью 2 августа германские войска вступили на территорию Люксембурга, а утром 4 августа вторглись в Бельгию. Три огромные армии правого крыла фронта начали охватывающий маневр, имея задачей 1-й армией генерала Клука обойти Париж с запада, 2-й армией генерала Бюлова наносить удар на Париж и 3-й армией генерала Гаузена наступать восточнее французской столицы.

События развёртывались в такой последовательности: германские войска прошли Бельгию, отбросили бельгийскую армию к Антверпену, преодолели сопротивление 5-й французской и английской армий и вступили на территорию Франции. Вслед за наступлением армий правого крыла начали наступать

4-я и 5-я армии центра. К 20 августа наступление вели уже 5 армий общей численностью в 22 корпуса и 7 кавалерийских дивизий на фронте протяжением в 250 километров.

Союзные армии противостояли немцам на этом фронте силами не более 15 корпусов. Началось наступление и на левом крыле германского фронта. В ставке Вильгельма царила уверенность, что события развёртываются в намеченном планом направлении. Успешный ход первых боёв пограничного сражения как будто подтверждал правильность удара германских армий по плану Шлиффена. Однако такое представление было глубоко ошибочным.

В действительности же уже с первых дней войны стали проявляться грозные признаки будущих серьёзных поражений, которые ожидали германскую армию на Марне и на восточном, русском фронте. Эти признаки предвещали провал стратегических планов германского генерального штаба. Началось то, что Клаузевиц в своё время назвал «трением на войне» и что германское командование не было в состоянии преодолеть.

Поставленная стратегией цель требовала безостановочного движения вперёд, чтобы выполнить охватывающий маневр в стиле Шлиффена и в строго намеченные сроки. Иначе утрачивался всякий смысл предпринятого наступления, так как терялось главное — время. Но германская армия — главный инструмент, при помощи которого должна была быть достигнута поставленная стратегией цель,— оказалась не в силах сделать это.

Маневр базировался на пехоте, подготовке которой к искусным действиям на поле сражения германский генеральный штаб уделял столь большое внимание во всё предвоенное время. С целью придания пехоте большей мощности и пробивной силы (особенно при преодолении крепостных районов) она была оснащена значительным количеством тяжёлой артиллерии. Превосходство в артиллерии наряду с внезапностью удара первоначально принесло немцам крупные тактические успехи. Но относительно медленное наступление не соответствовало поставленным оперативно-стратегическим целям, а предъявленные пехоте маневренные требования оказались выше её возможностей. Даже хорошо натренированная немецкая пехота не могла дать более 20—25 километров в сутки в условиях безостановочного движения. А армии Клука, действовавшей на внешнем, заходящем фланге, предстояло преодолеть свыше 400 километров, чтобы выйти западнее Парижа.

Таким образом, маневр в стиле Шлиффена оказался немецкой пехоте не под силу. В результате марширующие войска растянулись, обозы отстали, местами корпуса пересекли друг другу путь и марш-маневра «как на параде»[1] не получилось.

[1] В вопросах управления армиями Шлиффен в отличие как от своего предшественника — Мольтке-Старшего,— так и преемника — Мольтке-

Среди руководства армиями обнаружились трения, которые германское главное командование оказалось не в силах преодолеть. Так, Клук, который должен был подчиняться Бюлову как старшему по положению, не хотел признавать последнего, а Бюлов был не в силах настоять на своём. В свою очередь Гаузен, выбирая между Клуком и Бюловым, не знал, к кому из них примкнуть. А во время сражения на Марне, по существу, перестала действовать и вся система управления армиями генеральным штабом. Причиной многих из этих явлений было то обстоятельство, что германская армия вопреки самоуверенному мнению немцев не являлась заводной машиной, точно действующей по законам механики.

Кроме того сразу же сказался порок, свойственный немецкой военщине,— недооценка возможностей противника. Французское и английское командование вывело свои армии из-под удара немцев и сосредоточило их к югу от реки Марны, восточнее Парижа. Правое крыло германских войск, в частности 1-я армия, в стремлении догнать и разбить англичан поворачивает сначала в южном, а затем в юговосточном направлении и к первым числам сентября также выходит на Марну, оказавшись таким образом не западнее, а восточнее Парижа.

В итоге, вместо того чтобы добиться захлёстывания и уничтожения основных сил французской армии, немцы оказались перед перспективой фронтального столкновения с усилившимся противником, притом в условиях, когда германские войска были уже значительно измотаны, тылы их растянуты, а единое командование фактически отсутствовало. А справа над немцами навис укреплённый район Парижа с подготовленными противником для флангового контрманёвра крупными оперативными резервами. В центре стояла армия Фоша, сыгравшая крупную роль в Марнском сражении. Уже в предвидении этого сражения стал сказываться органический порок германской стратегии — недостаток резервов. Второй стратегический эшелон к этому времени не только не был готов, но фактически отсутствовал, так как предполагалось окончить войну одним стратегическим эшелоном.

Особенно отрицательно этот органический порок германской стратегии сказался во второй мировой войне.

Начав пограничное сражение на западе при общем превосходстве сил непосредственно на фронте примерно в полтора раза, немцы к моменту решающих событий на Марне оказались при неблагоприятном для них сотношении сил. Против 29 пехотных и кавалерийских дивизий правого крыла германской армии союзники выставили свыше 45 дивизий. Дать больше сил правому крылу германское командование оказалось не в силах,

Младшего,— предоставлявших командующим корпусами и армиями большую самостоятельность, проводил линию строжайшей централизации и требовал «чтобы всё исполнялось, как на параде».

так как к этому времени на восточном горизонте Германии засверкали молнии второго фронта.

В первых числах сентября 1914 года произошла битва на Марне. Она закончилась победой англо-французских войск и привела к отступлению германских армий на реку Эн.

Поражение германских армий на Марне было предопределено недостатком у Германии сил для доведения до конца поставленной стратегической цели в связи с наличием активного второго фронта, который оказал решающее влияние.

В стратегическом взаимодействии с разыгравшимися на Западе военными действиями неожиданно для немцев развернулись крупные боевые события на восточном, русском фронте, удалённом от западного на тысячу километров.

В разгар наступления германских армий на Париж загремели пушки русской армии, которая, не закончив полностью своего стратегического сосредоточения, в двадцатых числах августа 1914 года вторглась в Восточную Пруссию. Германии грозила потеря этого важного района, и немецкое командование оказалось вынужденным снять два корпуса с западного фронта и перебросить их на восточный фронт. Но этим дело не ограничилось. Германское командование задержало ещё ряд соединений, предназначенных для отправки на западный фронт.

Из немецких источников можно видеть, как беспокоилось германское командование за исход боя под Гумбиненом и как оно было озабочено движением 2-й русской армии в Восточную Пруссию. 8-й немецкой армии, защищавшей Восточную Пруссию, было нанесено русскими серьёзное поражение. Генерал Притвиц, командовавший этой армией, намечал даже отойти за Вислу. В ставке Вильгельма этим был вызван большой переполох. Только отсутствие взаимодействия между 1-й и 2-й армиями и ряд ошибок русского командования дали немцам возможность нанести 2-й армии генерала Самсонова поражение. Несмотря на это русская операция в Восточной Пруссии серьёзно повлияла на ход событий на Западе. Русский фронт дал сильно себя знать. Наступление 1-й и 2-й русских армий в августе 1914 года носило самоотверженный характер. Стремясь выполнить союзные обязательства, русское командование готовилось даже к вторжению в глубь Германии. В результате под внешне стройное здание шлиффеновского плана на восточном фронте был произведён первый серьёзный подкоп, в связи с чем в последующем этот план с грохотом рухнул.

Почти одновременно с действиями в Восточной Пруссии русские армии начали наступление против Австро-Венгрии и после 33-дневной Галицийской битвы сделали положение этого союзника Германии критическим, что заставило немцев спешно оказывать австрийцам помощь. Создавалась угроза выхода Австро-Венгрии из войны. За месяц наступления русских армий в Галиции австрийцы потеряли свыше 326 тысяч

солдат и офицеров, из них более 100 тысяч человек пленными.

Недооценив силу русской армии, германское командование провело против неё операцию, которая, по существу, оказалась авантюрой и кончилась печально для немцев. Сформировав против русского фронта армию генерала Макензена, немцы в целях реванша сделали попытку сналёту овладеть Варшавой. Однако 9 октября они получили мощный контрудар со стороны русской армии и, испытав на себе силу русского штыка, откатились почти на 100 километров к западу от Варшавы. Катастрофический недостаток вооружения, боеприпасов и других материальных средств помешал русским войскам развить преследование.

Та же участь постигла немцев и в районе Лодзи, где они в первой половине ноября 1914 года попытались зайти в тыл 2-й русской армии, но потерпели полную неудачу. Более того: солидная группа немецких войск сама попала в окружение и едва избежала уничтожения.

В конце ноября бои на восточном фронте замерли. Но русский фронт, который вильгельмовская ставка считала неспособным на быстрые действия, внёс уже существенные коррективы в немецкую стратегию и с первых же дней войны начал притягивать к себе всё новые и новые силы германской армии. Кошмар борьбы на два фронта, которого так боялся и который Бисмарк стремился предотвратить посредством дипломатических комбинаций, а Шлиффен намечал предупредить быстротой оперативного маневра, оказался явью.

Грозный призрак длительной войны на двух больших фронтах во весь рост встал перед германским командованием, обнаружив порочность его стратегии. Сбывались слова Шлиффена: «Если нам не удастся во вспыхнувшей войне разбить и уничтожить нашего врага на западе в первых же боях, то затянувшаяся вследствие этого на многие годы война может легко привести ко второй Иене»[1].

Прогноз оказался верным. Впереди немцев ожидали провал кампании 1915 года, ошеломляющий удар Брусилова и стратегическая неудача под Верденом в 1916 году, бесплодность морской и воздушной стратегии в 1917 году и «чёрный день» — 8 августа 1918 года.

Военную кампанию 1914 года Германия окончила с отрицательным балансом. Её стратегия полностью провалилась. Ни одна из поставленных ею целей не была осуществлена. Ещё до окончания кампании этого года перед Германией уже возникла перспектива длительной войны, к которой она не была подготовлена. Правда, не были готовы к длительной войне и противники Германии, но на их стороне имелись огромные ма-

[1] 14 октября 1806 года у города Иены Наполеон разбил прусско-саксонскую армию князя Гогенлоэ и привёл Пруссию к капитуляции.

териальные и людские ресурсы, а также потенциальные ресурсы Соединённых Штатов Америки и других стран, антигерманская позиция которых к концу 1914 года начала уже ясно определяться.

Война, таким образом, вступила в новую фазу, характерную увеличением числа участвовавших в ней государств, всесторонней мобилизацией материальных ресурсов, развёртыванием многомиллионных армий и изменениями в способах руководства ими.

Провал германских стратегических планов в 1915 году

Потерпев в 1914 году неудачу, германское командование в 1915 году поставило своей основной целью разгром и уничтожение русской армии и вывод России из войны.

Мольтке был отстранён от руководства генеральным штабом; на его место был назначен генерал Фалькенгайн. В кругах высшего командования германской армии это был, пожалуй, единственный человек, который более или менее трезво оценивал истинное положение вещей. Генерал Фалькенгайн пытался было перестроить стратегию Германии на более реальной основе. Он предполагал не вести против русских армий крупных операций, а оставить центр тяжести попрежнему на Западе. Но и здесь Фалькенгайн считал необходимым также отказаться от широких планов и сосредоточить всё внимание на создании и подготовке мощных стратегических резервов. До этого же он наметил вести лишь частные операции для изматывания живой силы противника. Такую цель, по плану Фалькенгайна, должна была преследовать и Верденская операция, которая на самом деле приняла совершенно иной характер и привела Фалькенгайна к уходу с поста начальника генерального штаба.

Не исключено, что Фалькенгайн рассчитывал и на раскол союзной коалиции и сепаратный мир с некоторыми участниками её.

Таким образом, Фалькенгайн явился в известном роде представителем «стратегии измора». Такая стратегия, возможно, была бы правильной, если бы Германия имела достаточно сил и средств для длительной войны. Но поскольку таких сил и средств не было, то и стратегия Фалькенгайна была обречена на провал.

Однако в среде представителей германского командования снова нашлись сторонники «стратегии сокрушения» — это были в первую очередь генералы Гинденбург и Людендорф, которые намечали ведение операций попрежнему в стиле шлиффеновских «Канн», избрав объектом действий русский фронт. К числу таких «стратегов» принадлежал и генерал Конрад фон

Гетцендорф — начальник австровенгерского генерального штаба. Планы этих генералов совпали с желаниями Вильгельма II, по приказанию которого на восточный фронт были направлены крупные резервные формирования. В мае 1915 года под Горлицей была предпринята наступательная операция пяти германских корпусов армии Макензена и осуществлён прорыв, получивший название Горлицкого.

Фалькенгайн имел в виду этой операцией только очистить Галицию от русских, но Людендорф и Конрад Гетцендорф планировали «Канны» для русских армий, находившихся в Польше и Прибалтике, и с этой целью повели наступление в более широких масштабах. Русское главное командование перед лицом такой угрозы приняло разумное решение об отводе своих армий из Польши.

Оставив часть Прибалтики, русское командование устранило и здесь угрозу охвата, одновременно сдержав наступление фланговых группировок противника. Напомним, что в этот период русская армия испытывала особенно острый недостаток в вооружении и боеприпасах и отход был поэтому единственно правильной мерой.

В условиях такой обстановки на фронте Фалькенгайн окончательно пришёл к выводу, что окружить русских в пределах передового театра борьбы не удалось. Он указывал Гинденбургу: «Уничтожение в целом и не должно в данном случае делаться предметом достижений, так как нельзя задаваться целью уничтожить врага, значительно превосходящего в силах и стоящего фронтально против вас...»

Иной точки зрения держались Гинденбург и Людендорф, которые попрежнему считали момент для разгрома России наиболее подходящим. В докладе Фалькенгайну Гинденбург писал: «Поэтому ещё раз я настоятельно ходатайствую об усилении моего левого крыла, чтобы, по обстоятельствам, или действовать наступательно, или, по крайней мере, удержать за собой до сих пор занятую территорию. Я подчёркиваю ещё раз, что в наступлении моего левого крыла против тыла и сообщений противника я вижу единственную возможность его уничтожения. Такое наступление, вероятно, ещё и теперь является единственным средством избежать нового похода, если только это уже не поздно». Так оформлялась идея Свенцянского прорыва, которым преследовались далеко идущие цели. Операция прорыва была осуществлена в сентябре 1915 года, но не дала немцам ожидаемых результатов.

Снова восторжествовала точка зрения командования германским восточным фронтом. Ограничившись на Западе оборонительными действиями, германские армии продолжают наступательные операции с решительной целью против России. На восточный фронт идут дополнительные резервы. К сентябрю 1915 года общий состав австрогерманских войск против Рос-

сии был доведён до 137 пехотных и 24 кавалерийских дивизий, из которых 52 пехотных и кавалерийских дивизии — германские.

Германское командование наметило нанести главный удар севернее Вильно, в направлении на Молодечно, при вспомогательных ударах южных армий (8-й и 12-й) принца Леопольда. Предполагалось сковать весь русский западный фронт и лишить его возможности маневрировать резервами. В действительности получилось не так, как намечали немцы. У русского западного фронта сохранились возможности для контрманевра, и русское командование ими воспользовалось. Подобно предшествующим сражениям, наступление немцев и на этот раз не принесло им решающего успеха. Русские армии отошли, сохранив организованный фронт. И это произошло в тот период, когда союзные армии на Западе не проводили больших операций, а ограничивались частными наступлениями, которые немцы сдерживали без особого труда.

Осенью 1915 года военные действия на восточном фронте прекратились. Обе стороны зарылись в окопы. Так же как и на западе Европы, в России наступил период позиционной борьбы.

Таким образом, в 1915 году немцы сделали попытку провести в жизнь стратегическую идею плана Шлиффена на Востоке, при неполном решении задач этого плана на Западе. Однако стратегия сокрушительных ударов германской армии снова потерпела полный крах. Основная идея Шлиффена — попытка решить проблему войны на два фронта методом разгрома своих противников поодиночке — окончательно провалилась. Русский фронт сыграл в этом решающую и роковую для немцев роль.

Маневрируя пространством и сохранив живую силу, русская армия лишила немцев возможности осуществить шлиффеновские «Канны» как в большом, так и в малом масштабе. Русская армия в 1915 году выдержала удар подавляющей массы войск коалиции центральных держав и основательно измотала живую силу их армий. Но этим не исчерпывалось значение кампании 1915 года. Приняв на себя главный удар Германии и Австро-Венгрии, русская армия обеспечила союзникам возможность полного развёртывания их промышленности и вооружённых сил. Ллойд-Джордж в своих военных мемуарах писал об этом периоде: «История предъявит свой счёт военному командованию Франции и Англии, которое в своём эгоистическом упрямстве обрекло своих русских товарищей по оружию на гибель, тогда как Англия и Франция так легко могли спасти русских и таким образом помогли бы лучше всего и себе».

Не дала немцам ожидаемых результатов в 1915 году и подводная война. Попытка германского флота прорваться в

Рижский залив, предпринятая в августе 1915 года, была успешно отбита русскими морскими силами и окончилась для немцев полной неудачей. Надводный флот Германии — это олицетворение «германского будущего на морях» — запирается до 1916 года в Гельголандской бухте (так называемый «морской треугольник»), чтобы в мае 1916 года выдержать единственный за войну крупный бой (ютландский) и затем окончательно прекратить выходы в море.

Крах германской стратегии во второй половине мировой войны 1914—1918 годов

С 1916 года Германия, по существу, отказалась от шлиффеновского плана, но влияние его идей продолжало сказываться и в последующие годы войны.

В поисках достижения победы германское главное командование прибегает к ряду других средств. В 1917 году оно снова стремглав бросается в неограниченную подводную войну, но терпит опять полную неудачу, вызвав этим ускорение вступления в войну Соединённых Штатов Америки.

Не дают ожидаемых результатов и применение отравляющих веществ и воздушные бомбардировки Лондона и Парижа.

Потеряв под Верденом до 600 тысяч человек, немцы значительно обескровили собственную армию, а не армии своих противников.

В общем балансе военных усилий, направленных против Германии и её союзников во вторую половину войны, снова большую роль сыграл русский фронт. В самый разгар кровавых боёв под Верденом загремели орудия русского юго-западного фронта под командованием полководца Брусилова, войска которого 4 июня 1916 года перешли в решительное наступление и совершили знаменитый Брусиловский прорыв, смертельно перепугавший германское и австровенгерское командования. По словам Людендорфа, наступление Брусилова было воспринято «как гром с ясного неба» и явилось «одним из самых серьёзных кризисов на восточном фронте». Германское командование немедленно прекратило штурм Вердена, а австровенгерские войска остановили наступление против Италии, которое они до этого успешно вели. До 45 дивизий, т. е. около четырёх полнокровных армий того времени, были сняты с других фронтов и срочно переброшены против русского фронта. Колебавшаяся до этого Румыния прекратила политику выжидания и вступила в войну на стороне союзников. В боях с войсками Брусилова австро-германцы потеряли свыше 1,5 миллиона человек убитыми, ранеными и пленными. Такое большое влияние оказал русский фронт на весь ход событий и военных операций в 1916 году.

Во второй половине мировой войны 1914—1918 годов со

всей силой сказалось действие решающих факторов войны: превосходство в экономических ресурсах, в людской силе, стратегические способности и возможности командования. Попытка Людендорфа воскресить идеи Шлиффена и претворить их в жизнь в 1918 году приводит к финальным дням первой мировой войны — к 8 августа, — удару союзных армий и к 11 ноября — капитуляции потерпевшей военное поражение Германии.

Так завершился порочный круг стратегии германского империализма в первую мировую войну. По выражению В. И. Ленина, германский империализм сначала «невероятно раздулся на три четверти Европы, разжирел, а потом он тут же лопнул, оставляя страшнейшее зловоние»[1].

Неусвоенные уроки поражения

Дефективность германской стратегии вскрылась в ходе первой мировой войны со всей очевидностью. Как указывалось выше, основная причина краха германской стратегии заключалась в том, что политика германского империализма поставила перед стратегией неосуществимые цели.

Развязывая первую мировую войну, германское политическое и военное руководство не могло, да и не хотело понять, что если в войнах прошлого преимущественно действовали лишь вооружённые силы, то в войнах современной эпохи в борьбу вступает уже вся мощь государства.

Германский империализм подготовлял войну с расчётом на её быстротечный характер, что было связано со стратегией безумного риска и привело в конце концов к краху. Людская и экономическая база Германии для осуществления подобного рода стратегии была явно недостаточной; это было видно, например, из соотношения вооружённых сил на Западе к началу военных действий в 1914 году. Так, численность перволинейных войск Германии, полевых и резервных, на западном и восточном фронтах составляла 1 887 100 человек, в то время, когда только Франция, Англия и Бельгия вместе имели 2197 тысяч (в том числе Франция—1856 тысяч). Следовательно, немцы не обладали численным превосходством над противником даже на одном из фронтов. Только эти данные уже ставили под сомнение правильность стратегического плана Шлиффена.

Политические и экономические условия, а также реальное соотношение сил Германии и её противников не могли сулить немцам не только выигрыша войны в целом, но и выигрыша крупного сражения. Между тем Клаузевиц говорит: «Стремление полководца должно заключаться в том, чтобы искать глав-

---

[1] В. И. Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 266.

ного сражения и дать его при соотношении сил и в условиях, обещающих решительную победу; для этой цели нужно жертвовать всем». Этих условий у Германии не было.

Но ни до войны, ни во время её, когда немцы потерпели военное поражение, а также и после войны никто в Германии не хотел видеть действительных причин краха немецкой стратегии. Наоборот, причины искали во второстепенных, субъективных факторах.

В частности объяснение поражения на Марне и провала кампании 1914 года немецкие исследователи искали в том, что Мольтке действовал при соотношении правого крыла с левым 3 : 1, а не 7 : 1, как планировал Шлиффен. Таким образом, они ссылались на следствие, не замечая причины.

Если допустить, что удар германской армии в 1914 году мог бы быть осуществлён в строгом соответствии с планом Шлиффена и при намеченном им соотношении сил правого и левого крыла, то что бы из этого получилось? В этих условиях германские армии правого крыла лишь несколько глубже втянулись бы во Францию и создали бы более тяжёлое положение для союзных армий. Но немцы всё же не добились бы окончательного разгрома французских армий, которые были готовы к решительной борьбе; напомним, что политическая ситуация Франции была тогда не такой, как в 1940 году. В результате основная масса германских армий была бы втянута в глубь Франции и так или иначе обречена на длительную борьбу.

В это время русские армии, которые в действительности оказались более мобильными, чем это представляло себе германское стратегическое руководство, получили бы возможность осуществить глубокий удар в Восточную Пруссию и нанести решительное поражение Австро-Венгрии. В связи с этим немцам пришлось бы перебросить на восточный фронт против России значительные силы и втянуться в длительную борьбу с её сильной армией. Кроме того Англия перед лицом ещё большей угрозы её могуществу быстрее активизировала бы свою военную деятельность.

Не усвоив тяжёлых уроков первой мировой войны, немецкие стратеги искали причины военных неудач не в главном, а во второстепенном. В своих воспоминаниях Людендорф признаёт, что в течение всей войны ни на Западе, ни на Востоке немцы не могли довести до конца ни одного стратегического прорыва. Будучи не в состоянии постичь причины этого факта, Людендорф скорбит о том, что его вовремя не поддержали, не дали несколько лишних дивизий и т. д. Подобного рода жалобы и рассуждения напоминают поиски причин неудачи французов под Бородино в насморке Наполеона, а поражения под Ватерлоо — в опоздании корпуса маршала Груши.

Провал германской стратегии морской и воздушной войны точно так же был предопределён решающим фактором — не-

соответствием поставленной цели и экономических возможностей, которые могли быть использованы для её осуществления Несмотря на гигантское напряжение экономики, Германии не под силу было сравняться в морских вооружениях с Англией, а не только обогнать её, как намечала программа Тирпица. На строительство военно-морского флота в 1913—1914 бюджетном году Германия ассигновала 24 миллиона фунтов стерлингов, а Англия смогла на ту же цель израсходовать в тот же период свыше 46 миллионов фунтов стерлингов. Во время мартовского сражения в Пикардии немцы сосредоточили около 1200 самолётов, а союзники на 5—6-й день операции противопоставили им свыше 2 тысяч самолётов. Общее же количество самолётомоторного парка союзников характеризовалось ещё более внушительным превосходством над Германией.

Главной причиной военного поражения Германии являлась необходимость для неё вести борьбу на два фронта, для ведения которой Германия не имела достаточных возможностей. Русский фронт, который немцы игнорировали при подготовке войны, в ходе войны оказался для них роковым. Во всё время войны Германии и её союзникам приходилось противостоять русским армиям или вести против них изнурительные наступательные операции, что решающим образом сказывалось на положении германской и союзных ей армий на других фронтах и к концу войны предопределило военное поражение Германии.

Возникает вопрос: почему же Германии удалось так долго продержаться в первой мировой войне? Причину следует искать прежде всего в несогласованности действий союзников на фронтах и в разновременной мобилизации их экономических и людских ресурсов. Например к началу 1917 года в результате Брусиловского наступления, провала Верденской операции, наступления союзников на Сомме, неудачи Ютландского боя, а также ввиду значительно ухудшившейся внутренней обстановки в Германии и союзных с ней странах для коалиции центральных держав создалось чрезвычайно тяжёлое положение. Несмотря на полученный доступ к румынской нефти и хлебу экономическое положение Германии и Австро-Венгрии было в то время хуже, чем в 1916 году. Однако отсутствие согласованности в действиях союзников не дало им возможности воспользоваться этими благоприятными условиями и тогда уже добиться военного поражения Германии.

Необходимо отметить ещё одну сторону вопроса, в которой ярко проявились консерватизм и шаблонность немецкой стратегии. Мы имеем в виду планирование развития таких важных технических средств ведения войны, как танки и артиллерия. В первую мировую войну немцы игнорировали танки и отводили решающую роль артиллерии, особенно тяжёлой. После 1918 года они бросились в другую крайность и, пренебрегая артиллерией, отвели решающую роль танкам, считая их

основным средством молниеносного решения стратегических операций и всей войны в целом. Между прочим, среди немцев находились даже такие «теоретики», которые утверждали, что Германию в первой мировой войне победил «генерал Танк».

В период между первой и второй мировыми войнами германская теоретическая мысль не пыталась пересмотреть основные принципы немецкой стратегии, считая эти принципы правильными, а причины поражения в войне 1914—1918 годов — случайными. Не менялась и политическая цель войны, определявшая характер и задачи стратегии. И Людендорф, и Сект, и другие послевоенные руководители германской армии считали идею «молниеносной войны» и действия в стиле Шлиффена незыблемыми основами германской военной доктрины. Один из видных немецких военных писателей, генерал Вальдемар Эрфурт, писал в 1939 году: «Потомство без всякого спора признало Шлиффена основоположником искусства современной войны».

* * *

Порочность германской стратегии ещё ярче вскрылась во вторую мировую войну. Гитлеровская клика, придя к власти, поставила задачей осуществить ту же политическую цель — господство над всем миром. Была выдвинута чудовищная доктрина, согласно которой всё человечество должно быть превращено в рабов немецких «господ» во главе с германскими юнкерами и магнатами капитала. Средством для достижения этой цели явилась война. Коварной и беспринципной политикой обмана, нагло проводившейся гитлеровской кликой, имелось в виду помешать созданию противогитлеровской коалиции и подготовить условия для разгрома противников Германии поодиночке молниеносными ударами. Вначале это гитлеровцам удавалось. Таким путём в 1939—1941 годах были разгромлены и порабощены Польша, Норвегия, Франция, Югославия. Но с 22 июня 1941 года положение резко изменилось. Вероломное нападение на Советский Союз оказалось для фашистской Германии роковым. Мнимым стратегическим успехам гитлеровцев на пути завоевания мирового господства был положен конец. Для гитлеровцев началась полоса стратегических неудач, обнажившая перед всем миром дефективность гитлеровской стратегии и ведущая германский фашизм к полному краху его политических и военных замыслов. Уже в первые месяцы войны в ходе ожесточённых боёв и нараставшего сопротивления советских вооружённых сил полностью провалился план «молниеносной войны» гитлеровской Германии против Советского Союза, а с первыми ударами Красной Армии начал меркнуть и ореол «непобедимости» германской армии.

Привходящий момент — внезапность и неожиданность нападения как резерв немецко-фашистских войск, обусловивший

временные успехи немцев на советско-германском фронте, был израсходован полностью; на смену ему выступили решающие факторы войны: «прочность тыла, моральный дух армии, количество и качество дивизий, вооружение армии, организаторские способности начальствующего состава армии» (**Сталин**). Эти факторы и определили весь последующий ход войны.

Стратегия гитлеровской армии и все оперативно-тактические приёмы действий её войск базировались в конечном счёте на раз принятых формах и не подвергались коренным изменениям в ходе войны.

Этой стратегии, самоуверенной и покоящейся на неизменных принципах и формах борьбы, была противопоставлена сталинская стратегия, обогащённая основными выводами современной военной науки и базирующаяся на точном учёте всех данных, складывающихся в определённый период хода войны.

Наше государственное и военное руководство решило в ходе войны четыре важнейших стратегических проблемы.

Во-первых, это была проблема развёртывания вооружённых сил в условиях внезапного нападения врага и быстрого продвижения его вперёд. Так как ряд районов оказался под непосредственным воздействием противника, пришлось прибегнуть к переносу развёртывания резервных военных формирований в глубь страны и к обеспечению соответствующего его эшелонирования. Эту задачу надо было решить в максимально короткий срок, так как немцы давно отмобилизовали свои основные силы и в этом и заключался плюс гитлеровцев, обеспечивший им в силу внезапности удара первоначальный успех. Одновременно в этом крылся и их минус, так как восполнение немецкой армии живой силой начинало отставать вследствие огромных потерь на фронте от потребностей дальнейшего развёртывания вооружённых сил. Между тем Советский Союз последовательно и в нарастающих масштабах развёртывал свои вооружённые силы. По этому поводу товарищ Сталин в приказе от 23 февраля 1943 года писал: «...фашистская Германия всё более и более истощается и становится слабее, а Советский Союз всё более и более развёртывает свои резервы и становится сильнее». В этом состоял органический порок германской стратегии. Особенно явно он сказался в кампании 1943—1944 годов, сильно приблизившей гитлеровскую Германию к гибели.

Вторая стратегическая проблема, которую пришлось решать в условиях жестокой борьбы и бешеного натиска противника,— это мобилизация материальных ресурсов и маневр ими. Здесь также происходили гигантские по масштабам процессы: промышленность глубокого тыла быстро перестраивалась в соответствии с потребностями войны; промышленность районов, оказавшихся под угрозой неприятельского вторжения и под воздействием его авиации, параллельно с перестройкой произ-

водства на военный лад совершила стратегическое перебазирование в глубь страны. Подобный маневр—история войн знает впервые, и произведён он был блестяще. Давая оценку работы тыла, товарищ Сталин говорил в своём докладе 6 ноября 1942 года: «Нужно признать, что наша страна никогда ещё не имела такого крепкого и организованного тыла». Особенно широко развернул свою работу по обеспечению фронта советский тыл в 1943—1944 годах. Все операции Красной Армии в этом году, начиная с Курской битвы, проводились на базе количественного и качественного превосходства наших технических средств борьбы над немецкими, что свидетельствует о силе советского тыла, являющегося самым прочным и надёжным из тылов всех армий мира.

Решение третьей стратегической проблемы выходило за рамки нашей страны и являлось международной задачей. Своей программой и практикой расовой ненависти, расового господства, захвата чужих территорий и безудержного грабежа порабощённых народов и стран, уничтожения всяких демократических свобод и установления гитлеровского «нового порядка» в оккупированной Европе фашизм вызвал ненависть народов всех демократических стран, особенно стран, оккупированных Германией.

Впротивовес гитлеровскому разбою в ходе войны была создана и укрепилась англо-советско-американская коалиция, поставившая своей задачей разгром и уничтожение гитлеровской Германии.

Четвёртая проблема, которую также надо было быстро и полностью решить, касалась вопросов непосредственного руководства нашими вооружёнными силами на театре войны, координации действий армий, фронтов, родов войск с целью нанесения противнику максимального урона в живой силе и технике и затем и разгрома его. К этой проблеме относилась выработка оперативно стратегических и тактических методов организации боя и операций и управления войсками применительно к условиям конкретной обстановки, складывающейся на фронте в тот или иной период войны. Вопрос шёл о правильном и максимально эффективном использовании имеющихся налицо и в потенции возможностей победы. Ещё задолго до войны товарищ Сталин по этому поводу говорил: «...в истории армий бывали случаи, когда имелись все возможности для успеха, для победы, но они, эти возможности, оставались втуне, так как руководители не замечали этих возможностей, не умели воспользоваться ими, и армии терпели поражения». Многочисленные малые и крупные бои и операции большого масштаба, проведённые за истекшие три года войны, показали, что указания вождя выполнены командным и начальствующим составом Красной Армии, что наши командиры научились использовать все возможности для нанесения поражения вра-

гу. Дело заключалось в том, что Красная Армия «...научилась бить врага наверняка с учётом его слабых и сильных сторон, как этого требует современная военная наука» (Сталин). Подтверждением этого явились замечательные успехи Красной Армии в 1943 и 1944 годах и её победоносный путь от Волги к Серету, от предгорий Кавказа до Карпат.